

 НФБ: МИРЫ ЕВГЕНИЯ ЩЕПЕТНОВА

Евгений ЩЕПЕТНОВ

ЗВЕРЕНЬШ

МОСКВА
2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Щ56

Разработка серийного оформления *В. Матвеевой*

В оформлении переплета использована работа
художника *О. Горбачика*

Щепетнов, Евгений Владимирович.

Щ56 Звереньш / Евгений Щепетнов. — Москва :
Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-095084-3

Жизнь переворачивается, когда на дом Адруса нападают. Смерть родителей и трюм рабовладельческого корабля капля за каплей вытравливают из него человека, и тот, кто приходит на смену, Звереньш, имеет лишь две цели: выжить и отомстить. Но для этого нужно стать самым сильным, неспасаемым и... жестоким. Этому его научат в Школе Псов, где даже слово «друг» нельзя воспринимать в прямом смысле. Адруса ждут испытания и кровавые бои, где нет места жалости, в них либо ты, либо тебя...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

© Щепетнов В., 2018

© Оформление.

ISBN 978-5-04-095084-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

— Беги, сынок! Беги!

Она поудобнее перехватила тяжелый топор и с размаху опустила его на щит смуглолицего воина, с ухмылкой наблюдавшего за этой отчаянной попыткой.

Женщина была сильна и довольно красива — высокая, светловолосая, крепкая. Хорошая рабыня! Потому воин и не спешил ее убивать. Зачем? Это деньги! Хорошие деньги! Люди народа ростов ценились в Империи Занусс — выносливые, сильные, вот только строптивые. Но зануссы умели обламывать рабов. Женщины хороши — статные, высокие, белые — и ценятся смуглыми зануссами, любителями экзотики!

Мальчишка? Да пусть бежит. Куда он денется? Застыл, как мышь перед змеей...

— Сынок, беги! Беги! И не забудь, что ты рост! Помни свой народ! Помни нас с папой!

Женщина снова нанесла прямой удар, но в последний момент, как опытный воин, переменила направление движения и с силой ударила в наголенник воина, смяв его и прорубив до самой кожи. Если бы воин не успел отдернуть ногу — она бы сейчас валялась на земле, и участь одноногого бойца была бы незавидна — и это в тридцать лет...

Ярость убийцы застила глаза воину, и все мысли о том, что эта ростийка ценна как товар, вылетели, будто выметенные морским ветром — осталось лишь желание убить.

Умелый и сильный боец бросился вперед — удар тонким, длинным мечом — и древко топора перерублено пополам!

Еще удар!

Голова женщины слетела с плеч, покатилась по земле, остановившись у ноги мальчишки, так и стоящего столбом, будто его парализовало. Длинные светлые волосы матери легли на стоптанный мягкий башмак. Мальчишка опустил голову и с недоумением посмотрел на голову той, кто еще сегодня утром нарезала хлеб, трепала его по голове и смеялась, вспоминая, как вчера он свалился с причала, торопясь запрыгнуть в лодку к отцу, который сейчас лежал со стрелой в груди и старым мечом в руке у порога дома.

Отец не успел никого убить. Впрочем, как и многие из односельчан, павших в неравной борьбе с захватчиками.

Росты были сильными и смелыми людьми — тот, кто выходит в море, не может быть трусом, — море не любит трусливых. Но что они могли против людей, которые сделали разбой, убийство и войну своим главным в жизни делом? Закованные в металл, тренированные, умелые зануссы легко справлялись с рыбаками и охотниками. Потери захватчиков были совсем малы, и они оправдывали себя. Каждый из тех, кто доживет до конца похода, получит приличную сумму звонкого серебра, достаточную для того, чтобы безбедно прожить не один месяц, а если

жить скромно — то и год. Риск? А что такое жизнь без риска?! Воин должен рисковать! И когда он погибнет, то упокоится в чертогах бога войны, и ему будут прислуживать все враги, которых воин убил за время своей короткой, но яркой жизни. Стыдно умирать в постели седым стариком! Жить нужно ярко и так, чтобы враги выли от ярости и боли, а друзья кричали и славили!

Воин плюнул на труп женщины и, прихрамывая, подошел к мальчишке. Протянул руку, чтобы схватить за шиворот, но тот внезапно ожил, будто с него сняли заклятие, и с яростным визгом вцепился в руку мужчины, прокусив ее выше запястья, между стальной перчаткой и налокотником, так, что брызнула кровь.

Занусс от неожиданности завопил, замахнулся мечом, но тут же одумался и ударил пацана рукоятью меча, вырубив его так же верно, как если бы ударил бульжником из фундамента рыбацкой хижины. Но даже сейчас мальчишка, уже в беспомощности, не отпускал руку врага, и тот кривился от боли, пытаясь разжать челюсти подростку. Через пару секунд воин достал кинжал, замахнулся, чтобы рассечь зверенышу шею, но был остановлен резким окриком:

— Стоять! Бас, ты спятил?! Мальчишка крепкий, шустрый, нам такие нужны! Зажми ему за ушами, и все! Не знаешь, как справиться с рабом?! Что ты за воин? Будешь оштрафован на пять монет за глупость!

Высокий могучий воин со знаком сотника укоризненно покачал головой, пошел дальше, но вдруг остановился:

— Я прослежу, чтобы он был на корабле! Смотри, допрыгаешься! От тебя много смертей, но мало

пленных. Похоже, ты не очень-то заботишься о том, чтобы заработать, и заработком товарищей не озабочен! Я подумаю над этим. Эту женщину можно было и не убивать — ты разучился драться? Не знаешь, как разоружить какую-то селянку? Она стоит денег, а ты отрубил ей башку! Дурак!

Сотник ушел, а воин все еще стоял над лежащим в беспомощности мальчиком и, намазывая мазью рваную рану, с бессильной яростью думал о том, что когда-нибудь заработает достаточно денег, чтобы уйти из ловцов, и тогда ни один урод не будет отдавать ему приказы! А еще купит себе парочку ростов и будет творить с ними все, что захочет! Они ответят за свою строптивость!

Бас воровато посмотрел по сторонам и вдруг сильно пнул мальчишку в бок. В животе мальчугана что-то хлопнуло, и он застонал, внезапно очнувшись. Тогда ловец пнул еще и в голову, стараясь бить так, чтобы не осталось следа.

— Пошел!

Воин схватил мальчика за шиворот, грубо поднял, поставил на ноги и толкнул туда, где уже собирали оставшихся в живых жителей селения. Их было сотни полторы или две, в основном дети. Были и взрослые — большинство из них симпатичные женщины. Их деловито вязали цепочками, друг за другом, и переправляли на корабль. Туда же отправлялось все ценное, что можно было найти у этого нищего народца, живущего рыболовством и охотой — мечи, топоры, одежда, шкуры — все мало-мальски пригодное для продажи. Рачительный хозяин не должен бросать на дороге и медяк — из медяков складывается серебро, из серебра — золото.

Взрослых мужчин в плену не было. Росты мало того что отчаянно сопротивлялись, они были ко всему прочему неуправляемы, упрямы, часто бунтовали. Так что всех мужчин старше четырнадцати лет обычно убивали на месте. Лучше взять десятилетнего мальчишку, воспитать его как следует, и тогда он вырастет настоящим воином — бесстрашным, жестоким, верным Империи до последней капли крови. Для этого есть особые методы — Империя умеет дрессировать своих «псов».

По большому счету сотник был прав — этот мальчишка стоит хороших денег и Корпус Псов заплатит полновесной монетой за щенка, но... все равно обидно.

Бас решил: хватит уже этой работы. Деньги есть, после похода еще дадут, так что можно заняться тем, чем хочется — открыть свое дело, торговать, завести семью. Достаточно рисковать жизнью — тридцать лет уже, а ни семьи, ни детей... только тесные, вонючие, пропахшие грязным бельем каюты, трактиры и бордели с пахнущими дешевым вином шлюхами. Все! Решено! Увольняться!

Занусс довольно кивнул головой и поспешил туда, где распорядился сотник — нужно было показаться, сделать вид, что трудится в поте лица, иначе опять оштрафует, скажет, что не работал. А Басу теперь каждая монета в дело.

Всего через два часа рабы были рассортированы и загружены в трюмы — женщины и девочки отдельно от мальчиков. Огромный трехмачтовый корабль мог вместить приличное количество воинов и несколько сотен рабов, размещенных в нескольких отсеках.

Условия содержания, мягко сказать, нелегкие. Процент отсева был довольно высок — от двадцати до пятидесяти процентов, и зависел он от многих обстоятельств — погоды, например, а еще от того, в чьи руки попали эти люди.

Мастеров-ловцов можно было бы условно разделить на две группы — в первую входили те, кто старался сохранить максимальное количество пойманных людей. Они предоставляли «овцам» более щадящие условия — вдоволь воды, достаточно еды, чтобы не отнимали ее у соседей по плену.

Во вторую группу входили те ловцы, которые считали, что тяжелые условия содержания «овец» позволяют отсеять слабых, оставляя тех, кто наиболее силен, а значит — ставит бóльшую цену при продаже. Ведь это более качественный товар!

Оба метода имели свои плюсы и минусы. Первая группа меньше работала, быстро забивая трюмы и сразу уходя в море, домой. Однако их рабы стоили дешевле, ведь среди них был больший процент слабых.

Вторая группа затрачивала на подбор груза намного больше времени и сил, однако их «овцы» больше стоили на рынке, ведь покупатели знали, что если рабы выжили при перевозке, то вынесут любые условия, потому что хуже тех, что в трюме корабля рабовладельцев, быть не может.

Конечно, и та и другая группа сразу же отделяли особо ценных рабов, помещая их в элитный загон. Вернее, не рабов, а рабынь — красивых девушек, женщин, девочек. Совсем маленьких не брали — они гарантированно умрут. «Мелкоту» обычно убивали, чтобы своими воплями не портили настроение. Или

же просто бросали умирать в разоренном селении. До них никому не было дела.

Та команда ловцов, что высадилась в прибрежном селении ростов, принадлежала ко второй группе ловцов, но даже среди них мастер Джубокс отличался жесткостью, о которой ходили легенды. Удачливый, смелый, он всегда знал, куда нужно направить свой черный, пахнущий смертью и нечистотами корабль, наводивший ужас на побережья всего Северного материка. Будто бог войны подсказывал этому квадратному обезьяноподобному коротышке то селение, в котором есть ценные рабы и мало воинов, способных оказать достойное сопротивление.

Удача? Чутье? Может быть. Но в любом случае одного-двух походов в год хватало, чтобы этот человек жил безбедно в великой Империи Занусс, любимой богами, протянувшейся почти на половину огромного Южного материка.

Работорговля приносила огромную прибыль. Хватало всем — и мастеру ловцов, и его воинам, охотно нанимающихся в экспедицию, зная, что внакладе не останутся. Империя процветала, и не в малой степени в результате того, что многое в ней производилось руками рабов — разумных механизмов, которые всегда можно заменить на другие. Если понадобится, конечно. И эти механизмы еще и сами размножались, что немаловажно.

* * *

Он проснулся от боли. Кто-то укусил за ногу так, что боль пронзила до самого сердца. Мальчик застонал, потянулся к ноге, чтобы обнаружить крово-

точащую ранку и зажать ее грязной ладонью — совершенно инстинктивно, рефлекторно, как моргает глаз или вздрагивает тело, получив удар кожаным бичом.

Мальчик теперь знал, каково это, получить удар бичом. Это сродни тому, как если бы к коже приложили раскаленный клинок. Вспухает красная полоса, сочится кровь, на которую тут же слетаются мухи. А если уснуть, то на запах окровавленного мяса сбегаются голодные крысы, и тогда все еще хуже. Гораздо хуже. Вот как сейчас — крыса разорвала кожу, добираясь до сладкой плоти мальчугана.

Ему было уже четырнадцать, но выглядел он младше своих лет, что частенько расстраивало мальчугана до слез. Он не был слабым, скорее наоборот — жилистый, сильный, парнишка был сильнее многих сверстников, но на вид ему было одиннадцать-двенадцать, к тому же мал ростом... на улице не очень таких любили. Маменькин сыночек — самое безобидное определение, которое мог услышать мальчишка. И слышал.

Они плыли уже месяц. Вначале корабль прошел вдоль побережья, покрыв кровью и пеплом суровые северные скалы на несколько дней пути, а потом, нагруженный до предела, ушел на юг, возвращаясь туда, откуда никому из рабов никогда больше не вернуться, растворяясь в земле чужого материка, обращаясь в прах, как и все существа на этом свете. Только с одним отличием: южане уходили в землю своей родины, рабы же — в чужую, вражескую, мерзкую землю, ненавидимую всеми клеточками их истерзанных тел.

Впрочем, часть рабов, в конце концов, становилась подданными Империи. Свободными. Но до-

биться этого было очень трудно. Как может раб заплатить выкуп, если он ничего не получает за свою работу? Как может выкупиться топор, или лопата, или метла — суть инструменты, делающие жизнь человека более комфортной? Ведь раб на самом деле — тот же инструмент, только разумный. Никак не человек.

Мальчик сел, опершись на стену, посмотрел по сторонам, тяжело дыша и морщась от боли. В полумраке трюма лежали, сидели, стояли десятки мальчишек разного возраста, примерно от десяти до пятнадцати лет. Голодные, грязные, многие из них были больны, покрыты нарывами и воспалившимися ранами. Время от времени в трюм спускали едкую вонючую мазь, которой нужно было мазать свои болячки — надсмотрщик строго следил, чтобы раны были смазаны. Не потому, что ему было жаль подростков, — товар не должен пропасть зря.

Те, кто не хотел мазаться гадкой мазью, тут же понимали, что от их желаний уже ничего не зависит, а их мнение никому не интересно. Не хочешь мазать — получи удар бичом, да так, что кровь брызнет из-под нежной, привыкшей к материнским ладоням кожи. И ничего не поможет — ни слезы, ни мольбы, а тем более угрозы. В первый же день смелого мальчика, который пообещал зарезать надсмотрщика как барана, заporоли до смерти, оставив труп лежать прямо в трюме, среди живых.

Мертвец лежал трое суток, раздувшись от жары и почернев до неузнаваемости. Это был первый урок строптивым рабам.

Второй урок они получили тогда, когда им впервые выдали еду. Это были засохшие лепешки и варе-

ные плоды патата — пищу спустили в трюм в больших корзинах, не разделенную на порции. Просто корзины, лепешки и пататы. Успеешь, сумеешь отнять у голодных соперников — будешь жить. Не сумеешь — без еды ослабеешь и пойдешь на корм рыбам, а прежде — трюмным крысам, толпами бегающим по желобам вдоль стены.

Первую раздачу мальчик пропустил, не успел — те, кто оказался ближе, расхватили еду, и он остался ни с чем. На второй день он решил: «Я должен жить! Я должен отомстить тому, кто убил моих родителей! Я должен есть, чтобы отомстить! Я должен выжить во что бы то ни стало!»

И мальчик забыл свое имя. Он превратился в одного из зверьков, тварей, как их называли рабовладельцы. Мальчик был готов убивать — ради еды, ради воды, ради возможности остаться в живых.

Он не задумывался, что с ним будет дальше — что будет, то и будет. Главное — кусок лепешки, разваренный патат, сухое место под люком, в который опускают еду и воду. И мальчик дрался. Жестоко, так, как дерутся звери — с визгом, с яростью, пуская пену, как одержимый воин.

После первых же стычек остальные дети убедились, что с ним лучше не связываться — пусть возьмет то, что ему нужно, тем более что Щенок много не брал, только то, что ему было необходимо. Если бы он зарвался, набирал себе полные руки еды и потом чавкал в одиночестве — его бы давно попытались убить. Но то ли мальчик был очень умен, то ли инстинкт самосохранения его не подводил, но он брал по минимуму — одну лепешку, пару пататов, не более того.

Удар бичом Щенок получил после того, как яростно рыкнул на надсмотрщика, что спихнул его в сторону, когда мальчик в очередной раз потянулся к корзине с едой. Рык вышел неосознанно, как если бы кто-то попытался отнять еду у сторожевой собаки.

Бичом — это было очень больно, обидно, но Щенок сдержал себя. Он должен выжить. Должен отомстить. Должен. Он — рост! «Не забывай, ты — рост!» — сказала мама. И мальчик не забывал.

Что губит людей, попавших в беду, когда весь мир ополчается против них? Болезни, голод, раны — это само собой. Но еще — отчаяние. Чувство того, что все потеряно, все пропало, и больше ничего не будет.

Что можно противопоставить отчаянию? Идею. Уцепиться за нее, вбить себе в голову, заставить себя поверить.

Во что верил Щенок? В то, что когда-нибудь он найдет подонка, убившего его мать и отца, и выдавит ему глаза. А потом отрежет уши. Пальцы. Будет медленно резать на части, не позволяя умереть до тех пор, пока не превратит в кусок мяса, пригодный лишь для жаркого.

Он видел эту картину, он жил ею, ложился спать и просыпался с мечтой о расправе над этим человеком.

Мальчик хорошо запомнил его лицо — темное, узкое, хищное. Воин двигался, как танцор — высокий, плечистый, но быстрый, как молния. Конический шлем не закрывал лица — стальная полоска спускалась по носу, открывая темные глаза, которые смотрели весело, с вызовом, бесстрашно. Да и чего ему бояться, или, вернее, — кого? Женщину с плот-